

уже, что сводный текст, в котором она встречается, третий по счету, нельзя признать ранним, так как он в свою очередь опирается на свод, созданный не ранее начала XVII века. Время появления этого свода дает возможность понять истинный смысл слияния в нем двух широко известных в древней Руси произведений.

Рассматривая же этот свод на фоне исторической действительности начала XVII века, мы можем правильно понять его идейный смысл. В период первого и особенно второго ополчения идея борьбы против польско-литовской интервенции, против польского короля получает широкое признание и по политическим и по религиозным соображениям. Патриоты этого времени ополчались на борьбу „за веру православную, за Московское государство на разорителей польских и литовских людей“. Подъем национальных чувств и неприязнь к полякам как к католикам были так сильны, что польские кандидатуры на московский престол не могли иметь значительного успеха. И когда второе ополчение освободило кремль и временное правительство созвало Земский собор, который должен был избрать царя, то первое же постановление собора было: „а литовского и свейского короля и их детей, за их многие неправды, и иных некоторых земель людей на Московское государство не обирать...“. Есть все основания предполагать, что идеологи Московского государства этого времени стремились к тому, чтобы новый царь „учинился на царстве по прежнему обычаю“, который возводился ко времени Владимира Мономаха и особенно хорошо был разработан в „чине царского венчания“ времени Ивана IV с упоминанием барм и шапки Мономаха. Естественно было именно в это время припомнить старые легендарно-политические сказания, которые вели происхождение самих „царских вещей“, т. е. инсигний, из глубокой древности, но минуя „латинский“, католический, Запад. В этом, как и в осознании успехов реальной политики, находили удовлетворение возросшие национальные чувства различных слоев московского населения начала XVII века.

В ближайшие же десятилетия известна попытка более тесно связать этот свод с личностью Михаила Федоровича, но дальше чисто внешнего приурочения содержания одного из эпизодов свода ко времени первого Романова неизвестный „писатель“ не пошел. Так, в списке Бил, Тихонр. № 18, XVII в., в конце свода мы читаем:

„И от того дни прослы великий князь Владимир (Мономах). И ныне та шапочка Мономаха царя, еже взята в Вавилоне, в российском царстве в Московском государстве у царя государя и великого князя Михаила Феодоровича всеа России самодержца. Дай бог спасен и здрав был на многия лета царь государь и великий князь Михайло Феодоровичь всеа Руси самодержец с своим с сыном с благоверным царевичем... царствовал в той мономаховой шапочке на многа лета...“.

Подводя итог этому беглому обзору текстов сказаний и повестей о Вавилоне граде, мы видим, что к раннему периоду московской литературы, к XV веку, возможно отнести только „Сказание о Вавилоне граде“ (рассказ о греческом посольстве в Вавилон). Остальные же произведения этого цикла, сводные тексты, могли возникнуть никак не раньше второй половины XVI—начала XVII века. Их место как цельных и законченных произведений в литературе этого времени. Что же касается вопроса о происхождении составных частей сводных текстов, т. е. повестей, или притч, о создании Вавилона и его заустени, то этот вопрос должен решаться особо.